

В театре создана новая структура – Управление творческого планирования. Начальником Управления стал Петр Поспелов, в прошлом – музыкальный журналист, обозреватель газет «Культурная» и «Известия», руководитель отделов культуры в газете «Русский телеграф» и журнале «Эксперт», а также автор-составитель коллективных проектов – «Страстей по Манифесту-2000» и оперы «Царь Демон». Редакция предложила Петру Поспелову поделиться своими планами и соображениями.

Когда Александр Ведерников предложил мне пойти работать в Большой театр на руководящую должность, я начал было отказываться. Но вскоре понял, что ни о чем другом думать больше не могу. Накладное, стоит раз в несколько лет полностью менять свою жизнь, да и, честно говоря, заниматься журналистикой мне надоело. Последние годы я разрывался между необходимостью регулярно строчить критические статьи

и собственными творческими делами. Скажу прямо, работать с композиторами, музыкантами и певцами мне доставляло больше удовольствия.

Мое новое занятие кардинально отличается от прежнего. Раньше я жил текущим днем, теперь я думаю о том, что произойдет, к примеру, 7 января 2003 года. На этот день запланирован праздничный гала-концерт по случаю закрытия Большого театра на реконструкцию. И этот концерт надо уже сейчас сочинять.

Признаюсь, что нахожусь в затруднении перед читателем. Я предпочел бы говорить не о планах, а о том, что уже сделано. А сделано пока очень немного – на тот момент, когда я пишу эти строки, прошел концерт ансамбля «Il Giardino Armonico» в Бетховенском зале. Концерт был потрясающий, но то, что он состоялся – в основном заслуга наших партнеров, петербургского Фестиваля старинной музыки, где итальянцы играли за день до нас. Я рад, что мне удалось подбить питерских коллег привезти музыкантов в Москву – теперь мы договорились о том, что в следующие годы ключевой концерт петербургского фестиваля будет повторяться в Москве.

В моем кабинете пока еще не все налажено. За мою газетную жизнь я приобрел компьютерную зависимость и считаю, что электронные сети – лучший способ профессионального общения. Однако в театре принято доверять бумагам: мой стол завален ими, и я едва успеваю их сортировать. Если я получаю письмо от генерального директора с указанием включить в план деловой концерт для ветеранов, то мне нельзя долго задумываться, те ли это ветераны, которые звонили на прошлой неделе или ка-

ПЕТР ПОСПЕЛОВ: МНЕ НРАВИТСЯ СЛУШАТЬ УМНЫХ ЛЮДЕЙ

кие-то другие, иначе эту бумагу скоро накроет следующая, в которой некий фонд настоятельно просит меня не показывать в третий раз ту же самую оперу на детском утреннике.

У меня есть телемонитор, но еще нет трансляции со сцены, поэтому я должен вычислять, когда Ведерников сделает перерыв в репетиции – тогда я смогу поймать его, чтобы надеть на него наушники и включить демо-запись, присланную агентом одного хорошего, недорогого и (о, удача!) свободного в нужные нам числа итальянского певца.

Зато у меня есть четыре телефона – городской, внутренний, прямой (для оперативной связи с начальством) и мобильный. Я уже научился разговаривать по двум сразу: для двух других не хватает лишней пары ушей – но есть еще пара глаз, чтобы одновременно смотреть по видео немецкую оперную постановку (на предмет ее покупки в 2004 году), отгоняя мысли о том, что тенор, приглашенный на ближайший спектакль, собирается деть в Москву рейсом проблемной авиакомпании, стоящей на грани банкротства.

Меня выручают мои сотрудники – их театральный опыт значительно больше моего, они работают четко, стремительно, понимают меня на лету и приучают меня к тому же. Еще меня выручают мои друзья – музыканты, театральные организаторы, критики. Стоило мне сообщить им названия двух опер, которые мы хотим поставить, и я тут же получила несколько подробнейших писем из разных стран с рекомендациями по певцам, постановщикам и дирижерам. Часть их состав уже пошла в дело. Мне нравится слушать умных людей. Некого-

рые из них, правда, ничего не советуют, а говорят: «М-да, только ведь съедят Ведерникова, и очень скоро. И вас съедят вместе с ним». Этих людей я тоже слушаю.

Возможно, во мне говорят издержки моей прежней профессии, но я свято убежден, что все оперы, симфонии и балеты сочиняются и исполняются только для того, чтобы потом критики написали на них рецензии. Поэтому утром я читаю прессу, стараясь сверить собственные впечатления с оценками моих бывших коллег, а вечером (в антрактах) выхожу под колонны потусоваться с ними и понять, куда дует ветер в мире оперной и балетной моды. Мне теперь тоже есть чем перед ними блеснуть: я легко выговариваю слова «разводится/не разводится» и «ставится под монтировку» – а им еще, возможно, предстоит этому научиться.

Монитор
7.1.03

Большой театр – 2001 – окт. 1 и 6.1 – 0.2

окт. 2001